

практически не пользуется теоретической рамкой, предполагаемой сборником; отдельные материалы сугубо историчны, в то время как другие удаляются в предельное теоретизирование; далеко не всем авторам удается следовать общей цели — описывать феномены, оказавшие влияние на культуру общества в целом. Впрочем, все это не представляется серьезным недостатком. Данный том — прекрасный пример того, как религиоведение может быть современным, междисциплинарным, интересным и живым.

*К. А. Колкунова
(ПСТГУ)*

Ситников А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. 248 с.

В 2012 г. известное издательство «Алетейя» выпустило книгу А. В. Ситникова «Православие, институты власти и гражданского общества в России». Безусловно, появление работы, претендующей на такой охват проблемы и в таком солидном издательстве, не могло не вызвать интереса со стороны религиоведческого сообщества и среди социологов религии в частности. И действительно, «Богослов.ру»¹ презентует эту работу в «НГ-Религии». В. Мальцев, отмечая актуальность заявленной в работе темы, пишет статью «Церковность против либерализма»², посвященную данной книге, наконец, один из наиболее интересных в современном российском религиоведении журналов «Государство. Религия. Церковь» публикует рецензию Д. Узланера на эту книгу. Узланер в частности пишет: «Это одно из первых в отечественной науке комплексных и системных исследований данного вопроса. Автор привлекает обширную литературу и разнообразную источниковедческую базу; анализирует труды отечественных и зарубежных ученых; показывает противоречия и тенденции развития в области церковно-общественных и церковно-государственных отношений»³. На форзаце книги приведена характеристика работы доктором исторических наук, профессором А. Б. Зубовым: «Книга А. В. Ситникова является результатом многолетнего исследования и тщательного изучения влияния религии, в первую очередь православного христианства, на политические институты, общественные структуры и общественно-политические аспекты массового сознания в России. Тщательно исполненная автором работа, написанная объективно, отстраненно, с привлечением большого массива социологического материала, является своевременным и убедительным аргументом в пользу принятия православной частью

¹ <http://www.bogoslov.ru/text/4111507/index.html>

² Мальцев В. Церковность против либерализма (Ресурс: <http://www.religiopolis.org/publications/5252-tserkovnost-protiv-liberalizma.html> (дата обращения: 23.10.2014)).

³ Узланер Д. Рецензия на книгу: Ситников А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 328.

русского общества идей демократии». Таким образом, можно сказать, что книга освещается в нейтральных или позитивных тонах, — ее выводы явно или неявно признаются как интересные и заслуживающие внимания. Подобные свидетельства дополнительно стимулируют интерес к данной работе.

Как пишет автор, «предметом исследования в данной работе является анализ влияния православия на формирование в российском обществе институтов власти, стратификационной структуры и становление гражданского общества» (с. 9). Подобные формулировки заставляют читателя ожидать, что в работе будет предложена та или иная версия исторического институционального анализа, например в духе Б. Мура, Т. Скочпол, или Д. Норта. Однако на деле ничего подобного мы не встречаем. Исторические материалы, безусловно, привлекаются, но никакой скрупулезности исторических техник или институционального анализа автор не демонстрирует. Использует он, как правило, выводы различных историков, что само по себе неплохо, но заставляет искать специфику работы не в ее исторической составляющей. Сходная ситуация и с институционализмом. Строго говоря, понятие «институт» в работе не вводится. Так, первая глава «Влияние религии на общество и институты власти: теоретические основы» повествует о чем угодно, но только не об институтах. А о чем она повествует? Первый ее раздел — «Легитимирующая функция религии», второй — «Особенности религиозной ситуации в российском обществе», третий — «Религия и ценности общества». Чем обусловлена именно такая структура теоретической главы — непонятно, и автор свой «теоретический выбор» никак не комментирует. Более того, можно предполагать, что институциональный анализ есть не то же самое, что анализ функциональный, и не то же самое, что анализ ценностных трансформаций (как можно было бы предположить, опираясь на названия разделов), хотя возможно, все три и могут пересекаться. В любом случае автор никак не обосновывает свой выбор используемых понятий. Все (или многие) его суждения имеют именно такой характер — каждое из них имеет право на существование, но наряду с ним такое же право имеют и десяток других. Чем обоснован выбор — никак не комментируется.

В результате вся работа предстает набором никак не (или очень слабо) связанных, возможно не бессмысленных, суждений. Приведем несколько примеров из начала работы, где разбираются ключевые понятия исследования и его методология. Например, автор пишет: «Исследование религии предполагает внимание к тем подходам, которые изучают изменения ценностных ориентаций общества и их взаимосвязь с трансформацией социально-экономической сферы» (с. 11). В общем, возможно, хотя марксист, институционалист, функционалист, структуралист, представитель сетевого анализа и т. д. могли бы с этим не согласиться, и т. д. А вот как определяется православие, чье влияние на становление институтов власти и гражданского общества, предположительно, будет представлено в книге: «Под православием нами понимается устойчивый комплекс формальных и неформальных ценностей, норм, правил и идей, а также санкционируемая и поддерживаемая с его помощью регулярная долговременная социальная практика, направленная на регулирование повседневной жизнедеятельности верующих и организующая их в систему социальных статусов и ролей в сфере явлений и предметов, называемых священными» (с. 14). Помимо того что возникает мно-

го вопросов вроде — что такое формальные ценности, неформальные ценности, предметы, называемые священными; чем нормы отличаются от правил, а практика от жизнедеятельности — и насколько эти отличия важны (в книге они далее никакой роли не играют — нормы, например, отдельно от правил и идей не разбираются). Возникает вопрос — а нельзя ли все то же самое сказать про буддизм, марксизм, католичество...? Вроде можно. Тогда в чем смысл такого определения православия?

Можно было бы ожидать, что автор в дальнейшем предложит содержательное наполнение указанных формальных характеристик таким образом, что читателю станет понятно, чем именно православие отличается от других религий, а русское православие — от других его разновидностей. Этого, однако, не происходит, а концепт «православие» подается в дальнейшем как интуитивно ясный. В результате целый ряд вопросов, который можно было бы адресовать автору, остается без какого бы то ни было внятного ответа. Так, остается неясным, чем определяются границы этого комплекса? Основываясь на каких источниках, автор его реконструирует? Каковы критерии отбора его элементов? И если в работе эта реконструкция в виде целостной системы конкретных содержательных моментов не представлена, а ее связь с социально-политическим поведением не установлена (в противоположность тому, что сделал М. Вебер, когда анализировал связь религии и экономики, что, казалось бы, могло послужить автору хорошей моделью), то возникает вопрос об осмысленности всего замысла работы. Тем более что здесь же автор оговаривается: «Сравнительный анализ особенностей православия различных поместных автокефальных церквей остается за рамками настоящей работы» (с. 14). Но как тогда выделить действие именно религиозного фактора именно в российской общественно-политической жизни, в отличие от иных — исторического, культурного, экономического порядка? Как установить, что за те или иные особенности социально-политического поведения россиян ответственно именно православие, а не те или иные обстоятельства российской истории, отличающие ее от истории греческой, румынской, грузинской и т. п.? Мы увидим в дальнейшем, как исходный тезис о влиянии православия на институты власти и общества претерпит парадоксальное превращение.

Возьмем еще один пример из текста: «Исследование Церкви предполагает рассмотрение нескольких ее аспектов. Во-первых, это деятельность и богословские представления церковных иерархов, духовенства и монашествующих (религиозной элиты), а также вопросы структуры и устройства церковной организации, ее развитие и взаимоотношения с государством» (с. 15). Здесь, естественно, возникает серьезное недоумение — все это нужно для любого исследования Церкви? Вроде бы формулировка автора предполагает именно это. Но, допустим, кому-то нужно изучить/описать социально-демографический портрет православных мирян. Очень вероятно, такое исследование/обследование можно считать исследованием Церкви. Неужели для этого нужно изучать «богословские представления иерархов» или «взаимоотношения с государством»? Вроде бы нет. Или еще пример суждения в тексте: «Оправдание и обоснование законности власти предполагает религиозную составляющую» (с. 19). Неужели? Думаю, по отношению к современному обществу не все бы под этим подписа-

лись. В начале XX в. М. Вебер, анализируя религиозные корни современного капитализма, указывал на то, что современный мир больше не нуждается в религиозной легитимации. В конце XX в., развивая тезис о функциональной дифференциации, Н. Луман утверждал, что каждая система современного общества функционирует, используя свой уникальный код⁴. Тезис о том, что законность власти нуждается в религиозной легитимации, требует значительной аргументации⁵. У автора мы такой аргументации не находим. Тезис оказывается брошенным, его сменяет следующий, и т. д. Примеры можно легко продолжить. Основной вопрос, который возникает при ознакомлении с приведенными примерами, таков — о чем автор пишет? На чем он фокусирует свое внимание? Кажется, что все это случайные слова, что внимание надо концентрировать не на этих неясностях. Но на чем? Из текста неясно.

Текст переполнен непроверяемыми обобщениями, звучащими как политические лозунги и тавтологии. Например: «В России традиционные религии стремятся совместно выполнять функцию поддержания традиционных ценностей...» (с. 57). Почти приторное описание религиозного мира «идеационных систем», дополненное отталкивающе-карикатурным изображением русской религиозной мысли (с. 54–55) (непонятно, зачем понадобившимся автору), во втором и третьем разделах первой главы производит крайне странное впечатление: высокорационализированные мировые религии (православие, ислам, иудаизм), предполагающие момент осознанного обращения в качестве конститутивного для себя, предстают как религии традиционного типа (по Веберу), картина присущей им духовной жизни сводится, по сути, к действию пережитков архаического или «традиционного» сознания. Присущая им (и в особенности православию) религиозная культура предстает как нечто неизменное и неподвижное, сформированное «в соответствии с религиозными традициями и канонами, при определяющем влиянии системы безусловных священных установлений» (с. 54). Опасаясь разочаровать автора, приходится все же заметить, что этот образ формируется в рамках совершенно определенного, отнюдь не всеобщего в рамках даже только русского православия специфического дискурса, который лучше всего можно назвать «традиционалистским» или «фундаменталистским». Тот факт, что автор социологического исследования спокойно принимает его в качестве нормативного и нигде не задается вопросом о его адекватности (и границах его распространенности?), наводит на весьма грустные размышления.

Можно взять любую другую тему, анализируемую автором монографии. Например, можно отнестись к целям рецензируемой работы. Автор писал, что

⁴ *Luhmann N. Die Religion der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 2000.*

⁵ Как, кстати говоря, и тезис о том, что религия эту легитимацию всегда готова предоставить. Как пишет автор, «все христианские конфессии включают (по-разному) в свою систему ценности и устои, легитимирующие современное общество. Любая власть принимается такой, какая она есть» (с. 19). Только из XX в. автору можно было бы напомнить и Барменскую декларацию, и Послание соловецких узников, и даже определенные места из «Основ социальной концепции РПЦ». За легитимирующей функцией религии автор совершенно упускает из виду ее делегитимирующую функцию, тем самым общественная роль Церкви (и других так называемых традиционных конфессий) в действительности скорее им депроблематизируется, чем ставится под вопрос.

«предметом исследования является анализ влияния православия на... становление гражданского общества». Давайте посмотрим, как это влияние анализируется. Скорее всего, именно этому сюжету посвящена глава 3 «Православие и гражданское общество». Состоит она из трех подразделов: «Принцип симфонии в современном обществе», «Православный приход и иные объединения верующих: формы деятельности и социальные функции», «Православие, солидарность и гражданское общество». Обратимся к первому подразделу. Фактически он состоит из двух моментов: (1) презентация некоторых сюжетов из официальных документов Церкви (и выступлений первых лиц) по теме раздела с некоторым комментарием и (2) презентация данных опроса, с помощью которой автор предлагает ответить на следующие вопросы: «Разделяют ли воцерковленные верующие основные позиции, сформулированные в официальных церковных документах и высказываемые Патриархом? Поддерживаются ли эти утверждения населением страны в целом? Разделяют ли граждане России те положения, которые православие считает принципиально важными и отстаивает в своей деятельности?» (с. 155).

Если вернуться к поставленным в начале работы целям — «влияние православия на становление гражданского общества», — то нужно отметить, что сам по себе раздел, содержащий описанные два сюжета, практически ничего не дает для решения поставленной в начале задачи, поскольку ни из официальной позиции Церкви, ни из мнений мирян, ни даже (если предположить, что их сходство удалось установить) из их сходства нельзя практически ничего сказать о «влиянии на становление». Добавим к этому, что читателю самому нужно догадываться, какое отношение принцип симфонии имеет к гражданскому обществу, сам автор этого не артикулирует. Мало что для заявленных в начале целей дает и второй раздел «Православный приход и иные объединения верующих: формы деятельности и социальные функции». Наверное, можно предположить, что приходы и православные НКО могли бы быть рассмотрены как элементы гражданского общества, ячейки этого общества или как что-то подобное, однако очевидно, что по отношению к российской ситуации и к российскому общественно-научному дискурсу это скорее проблема — можно ли считать приходы ячейкой гражданского общества в нашей стране (и можно ли считать, что в России сегодня присутствует гражданское общество, и в каком смысле автор говорит о гражданском обществе — ведь и в осмыслении этого феномена есть несколько традиций⁶)?⁷ Из авторского повествования сложно заключить, что он считает: то ли что церковный приход сегодня — это часть гражданского общества, то ли что нет. Все повествование идет о чем-то другом — о социальной деятельности Церкви, о количестве зарегистрированных религиозных организаций, о том, что в деревне поземельная община и православный приход во многом со-

⁶ См., например: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003; Хархордин О. Гражданское общество // *Он же*. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 76–113.

⁷ Например, именно в таких терминах, именно как проблему формулировал этот вопрос Н. Митрохин. И давал на него отрицательный ответ. См. подробнее: Митрохин Н. Является ли церковный приход ячейкой гражданского общества? // *Civitas*. 2003. № 2. С. 18–24.

впадали, об общинной жизни, о принципе субсидиарности, характерном для общинной жизни западных христиан, и т. д. Все это могло бы иметь отношение к проблеме Православной Церкви и гражданского общества в России, но автор никак не акцентирует логические связи между всеми этими темами и никак явно не демонстрирует, что все это имеет какое-то отношение к теме. И уж в любом случае это обзорно-реферативное повествование мало что дает для ответа на вопрос о влиянии православия на становление гражданского общества в России, и т. д. и т. п. Не будем рассматривать другие разделы книги — они выполнены так же. Обратим внимание на раздел «Вместо заключения. Конфессиональные различия и путь демократизации». Он «логически» и достойно завершает данный труд. В нем, в частности, говорится: «Православие отличало от западных конфессий иное социально-политическое окружение. При формировании институтов власти в России определяющим было влияние множества различных факторов, обусловивших появление сильной централизованной власти. Определяющими были географический и природно-климатический факторы: необходимость выстоять против суровой природы, неблагоприятных природных условий и защитить целостность страны и ее население от внешней угрозы и т. д. Исполнение этих задач было возможно лишь путем жесткой регламентирующей деятельности центральной власти, способной мобилизовать все ресурсы, обеспечить выживание населения и оборону страны. Православие находилось под значительным влиянием этих обстоятельств и вобрало в себя обусловленные ими схемы мышления и действия» (с. 215–216). То есть, анализируя, как *православие повлияло на...* автор делает вывод о том, как что-то повлияло *на православие*; православие, изначально выступая переменной независимой, вдруг становится переменной зависимой. Как это может быть? И чего стоят тогда все приводившиеся ранее «рассуждения»? Этот тезис выскакивает, как и многие другие, ниоткуда. Такова вкратце «логика» аргумента автора.

В заключение укажем еще на одну характеристику текста, а именно, читая работу А. Ситникова, мы стали наткнуться на некоторые странности. Так, например, в главе 2, раздел 1, в которой автор анализирует материалы собственного (!) опроса православных, он приходит к следующему выводу: «Доля молодежи среди типологических групп близка: среди неверующих респондентов — 22 %, православных — 25 %, мусульман — 24%» (с. 104–105). Это выглядит странно. Сложно опросить православных и потом найти среди них мусульман. Противоречие объясняется просто. Указанный фрагмент есть часть более обширной незаковыченной цитаты из работы В. Локосова «Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества»⁸. Можно видеть, — посередине своего текста Ситников делает две ссылки на работу Локосова (ниже приведем два текста так, как они присутствуют в книге Ситникова и Локосова, — цифрами помечено, где в рецензируемом тексте стоят сноски), кавычки в рецензируемом тексте, однако, отсутствуют; заимствованный текст вкраплен в текст монографии.

⁸ Локосов В. В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 82–89.

<p><i>Ситников А. В.</i> Православие, институты власти и гражданского общества в России. С. 104–105</p>	<p><i>Локосов В. В.</i> Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? С. 83.</p>
<p>Полученные нами выводы во многом совпадают с теми, к которым пришли другие исследователи.</p> <p>Глубоких расхождений политических взглядов среди типологических групп нет. Респонденты независимо от их отношения к религии, вероисповедания, воцерковленности доверяют Президенту страны и не доверяют таким органам власти, как Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, а также СМИ. Они критически оценивают политическую систему и готовы активно защищать свои интересы.</p> <p>Сходство политических взглядов типологических групп свидетельствует, что разделение по политическим лагерям проходит в основном без учета разделения людей на верующих и неверующих, последователей православия и ислама. Это значит, что религиозные, конфессиональные отношения занимают свою мировоззренческую, социокультурную нишу и не переходят в политическую плоскость.</p> <p>Политическая консолидация людей слабо связана с их религиозными, конфессиональными ориентациями, но определенная взаимосвязь религиозных, конфессиональных факторов и политических взглядов есть. Но все же религиозное население политически более лояльно, чем нерелигиозное². Обычно большую поддержку действующая власть получает среди молодежи и материально обеспеченных граждан. Доля молодежи среди типологических групп близка: среди неверующих респондентов — 22%, православных — 25%, мусульман — 24%. Следовательно, возрастной фактор не мог повлиять на повышенную политическую лояльность религиозного населения. Доля обеспеченных респондентов в типологических группах варьируется более значительно: 27, 20 и 19% соответственно.</p>	<p>Обобщая данные сравнительного анализа политических ориентаций типологических групп, сделаем следующие выводы:</p> <p>1. Глубоких расхождений политических взглядов среди типологических групп нет. Респонденты независимо от их отношения к религии, вероисповедания, воцерковленности доверяют президенту страны и не доверяют таким органам власти, как Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, а также СМИ. Они критически оценивают политическую систему и готовы активно защищать свои интересы.</p> <p>Сходство политических взглядов типологических групп свидетельствует, что разделение по политическим лагерям проходит в основном без учета разделения людей на верующих и неверующих, последователей православия и ислама. Это значит, что религиозные, конфессиональные отношения занимают свою мировоззренческую, социокультурную нишу и не переходят в политическую плоскость.</p> <p>2. Политическая консолидация людей слабо связана с их религиозными, конфессиональными ориентациями, но определенная взаимосвязь религиозных, конфессиональных факторов и политических взглядов есть. Но все же религиозное население политически более лояльно, чем нерелигиозное. Обычно большую поддержку действующая власть получает среди молодежи и материально обеспеченных граждан. Доля молодежи среди типологических групп близка: среди неверующих респондентов — 22%, православных — 25%, мусульман — 24%. Следовательно, возрастной фактор не мог повлиять на повышенную политическую лояльность религиозного населения. Доля обеспеченных респондентов в типологических группах варьируется более значительно: 27, 20 и 19% соответственно.</p>

Рецензии

<p><i>Ситников А. В.</i> Православие, институты власти и гражданского общества в России. С. 104–105</p>	<p><i>Локосов В. В.</i> Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? С. 83.</p>
<p>Уровень доходов религиозного населения ниже, чем нерелигиозного, что, казалось бы, должно усиливать их политическую оппозиционность. На самом деле наблюдается противоположная тенденция. Значит, религиозность выступает фактором повышения провластных ориентаций. Чем больше степень воцерковленности человека, тем выше уровень политической лояльности, поддержка политической системы, ориентация на стабильность и преемственность политического развития.</p>	<p>Уровень доходов религиозного населения ниже, чем нерелигиозного, что, казалось бы, должно усиливать их политическую оппозиционность. На самом деле наблюдается противоположная тенденция. Значит, религиозность выступает фактором повышения провластных ориентаций. Это подтверждает рост политической лояльности воцерковленной группы по сравнению с невоцерковленной, т. е. чем выше степень религиозности человека, тем выше его поддержка политической системы.</p>

Это не единственный пример подобного «не очень аккуратного цитирования» чужих текстов в монографии автора (см., например, «цитаты» М. Дюверже на с. 17–18 или П. Бурдые на с. 21–22).

Есть и некоторые другие любопытные совпадения: периодически авторский текст обнаруживает некоторое сходство с другими текстами; например, повествование Ситникова о православных приходах в России до XX в. производится практически в тех словах, что и рассуждение другого автора о католических приходах в США до Второй мировой войны (сноски отсутствуют, хотя, может быть, они и не нужны?).

<p><i>Ситников А. В.</i> Православие, институты власти и гражданского общества в России. С. 182.</p>	<p><i>Орешина Д.</i> Католический приход во второй половине XX века: факторы формирования приходской общины // Материалы семинара «Социология религии». М.: ПСТГУ, 2010. № 3. С. 18.</p>
<p>Таким образом, в России до начала XX в. приход и связанные с ним объединения верующих выполняли много важных социальных функций: социализация, образование, досуг и др.</p> <p>Прихожане хорошо знали друг друга, их взаимодействие было частым и интенсивным. Приход не только удовлетворял основные потребности в общении, но и оказывал поддержку и помощь.</p>	<p>Итак, католический приход в Великобритании и США до Второй мировой войны отвечал следующим характеристикам:</p> <ul style="list-style-type: none"> – прихожане знали друг друга и знали о жизни друг друга; взаимодействие было частым и интенсивным; – приход оказывал поддержку и помощь как психологическую, так и материальную: приход был крепостью в небезопасном и иногда враждебном обществе;

Возможны различные интерпретации подобных совпадений, но на фоне специфического обращения с текстами вроде локозовского они выглядят странно.

Иными словами, нам сложно согласиться с одобрением данной работы коллегами (или хотя бы с нейтральным восприятием данного произведения). На наш взгляд, даже если оставить за скобками незаковычанные цитаты, указывающие на компилятивный характер работы, текст не сообщает ничего принципиально нового в отношении разбираемой им проблемы, фрагменты его слабо связаны единой логикой, и их отношение к решению заявленного вопроса автором специально не проговаривается.

*К. М. Антонов, И. В. Забаев
(ПСТГУ)*